

ЗАПРЕТНЫЕ ПРАКТИКИ

ИРИНА МЯСНИКОВА

Ирина Мясникова

Запретные практики

«Автор»

2021

Мясникова И. Н.

Запретные практики / И. Н. Мясникова — «Автор», 2021

Постоянным читателям данная история известна под названием «Огонь в ночи», присвоенным роману издателем без согласования с автором. Вашему вниманию предлагается новая расширенная и переработанная версия старого романа с первоначальным названием «Запретные практики». Предприимчивая руководящая дамочка Анна Сергеевна Панкратьева пытается управлять окружающими людьми с помощью ментального оружия. Секретом этого оружия с ней поделился некий Арсений, считающийся в определённых кругах колдуном, который помогает страждущим достичь успеха. Анна Сергеевна на практике испытывает теоретические сведения Арсения и делится с ним результатами. Однако запретные практики на то и запретные, что пользоваться ими весьма опасно.

© Мясникова И. Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Теория	6
Практика. Опыт первый	12
Подопытный объект номер один. Господин Воронин	25
Практика. Опыт первый. Результат номер один	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Мясникова

Запретные практики

Эта история приключилась в те чудесные времена, когда телефоны ещё были кнопочными и использовались по назначению, то есть для телефонных звонков, а не для фотографирования завтраков и болтовни в социальных сетях, когда в офисах вовсю использовались факсы, а на переговоры и совещания необходимо было являться лично, для чего даже летать в другие города, когда в стране всё росло и развивалось, а газеты и книги издавались в печатном виде, и казалось, что впереди только прекрасное будущее.

Автор как обычно приносит извинения за случайные совпадения фамилий персонажей и названий организаций с фамилиями людей и предприятий, существующих в реальности. Разумеется, всё это выдуманно и наврано. Реален только Санкт-Петербург и один факт: автор и в самом деле впервые увидела мужчину своей мечты на фотографии в газете «Деловой Петербург». Ах, что это была за газета!

Несмотря на полное враньё в методиках запретных практик, автор всё-таки на всякий случай не рекомендует повторять опыты главной героини повествования.

Теория

Волшебник был похож на ангела. Ну, может быть, не совсем на ангела, кто ж этих ангелов на самом деле видел? Но, во всяком случае, Анна Сергеевна Панкратьева представляла себе ангелов именно такими. Светлые мягкие чуть вьющиеся волосы, голубые, немножко косящие глаза, длинный нос и замечательная чуть виноватая улыбка. Он слегка сутулился, явно стесняясь своего высокого роста. Одним словом, язык не поворачивался назвать его колдуном.

Следует отметить, что в свое время Анна Сергеевна вместе со всей страной отринула советский атеизм и радостно, искренне поверила в Бога. Даже сходила в церковь, разумеется, в православную, другие на бескрайних просторах бывшей советской империи были как-то мало представлены, и окрестилась. Вот прямо вместе со всеми страждущими в большой толпе и приняла таинство Крещения, чем невероятно гордилась. А гордыня, сами знаете... Но Анна Сергеевна, как и большинство населения, вдаваться в подробности смертных грехов не стала, впрочем, также, как и изучать Библию, главную книгу всех православных христиан. Честно попыталась, но не осилила. Уж больно там всё непонятно написано даже, пожалуй, позаковыристей, чем в учебнике по теоретической электродинамике. Зато креститься она научилась правильно, не то, что некоторые, которые даже по телевизору левое и правое плечо путали, и это уже хорошо. Так что вполне можно считать себя приобщенной к чему-то великому и всемогущему. Однако население на вере в Бога не остановилось и забило себе голову различной сопутствующей чертовщиной. Ну раз тут волшебство и таинство, значит оно везде! Магия, сглаз, порча и всё такое прочее. Видимо люди, так долго жившие безо всякой веры, своей непонятно, о чем тоскующей душой кинулись уже верить во все подряд. А может быть, Бог, на которого все так сначала понадеялись, не дал народу столь желанной манны небесной, сбыви мечт и ясных ответов на все-все вопросы.

К колдуну Анне Сергеевне посоветовала обратиться лучшая подруга Люська Закревская¹, которая все свои проблемы в последнее время успешно разрешала исключительно при помощи колдунов, экстрасенсов, астрологов и прочих психотерапевтов. То есть шагу не ступала, чтоб за свои немаленькие деньги не посоветоваться с каким-нибудь очередным, по мнению Панкратьевой, шарлатаном. Люська всегда мечтала приобщить Панкратьеву к такому хорошему делу, как непосредственное общение с высшими силами и вот, наконец, ей удалось завлечь Панкратьеву к самому-самому, лучшему-лучшему, всемогущему-всемогущему.

«Чем черт не шутит? Вдруг сразу счастье со всех сторон повалит?» – подумала Панкратьева и поддалась на уговоры лучшей подруги. Скорее даже не по насущной надобности, а из нормального женского любопытства, которое, как известно, сгубило кошку. Ну-ка, ну-ка, дайте-ка мы поглядим, как вы тут людей охмуряете?! А если не охмуряете, тогда, будьте любезны, дунуть-плюнуть и, чтоб все-все у меня было, о чем только помечтать можно! Тем более что представление о том, как должно действовать настоящее колдовское волшебство, у всех русско-советских людей сидит в голове с самого детства. Только вспомните щуку волшебную, Конька-Горбунка, царевну-лягушку и старика Хоттабыча. Они все очень этому пониманию способствуют.

Соответственно, и настоящий колдун в представлении Панкратьевой должен бы быть обязательно черноволосым и похожим на хищную птицу: на ястреба там, или ворона.

Однако человек, который открыл ей дверь, совершенно не был похож на сложившийся в голове образ всемогущего колдуна. Поэтому Анна Сергеевна сразу же определила его в волшебники. Ну не может, просто категорически не может колдун иметь такую добрую застенчивую улыбку.

¹ Про Люську Закревскую и Юру Гвоздева читайте в романе «Требуются отдыхающие».

– Я не ошиблась? – на всякий случай спросила Панкратьева, сверяясь с бумажкой, на которой был написан адрес.

– Нет, ведь вы, насколько я понимаю, Анна Сергеевна? А я Арсений, – продолжая улыбаться, провозгласил волшебник и протянул руку для рукопожатия, – проходите, присаживайтесь и рассказывайте, зачем я вам понадобился.

Одного взгляда на прихожую малогабаритной квартирki волшебника Анне Сергеевне хватило, чтобы понять, деньгами здесь не пахнет. Это несколько ее удивило, потому что по Люськиным рассказам этот волшебник помогал многим людям, очень многим, практически всем, кто к нему обращался. И зная Люську, Анна Сергеевна могла быть просто уверена, что все эти люди далеко не простые, а очень и очень обеспеченные.

«Наверное, это его квартира для приема клиентов, а живет он где-нибудь в позолоченном особняке», – решила Панкратьева.

Поймав ее оценивающий взгляд, волшебник Арсений усмехнулся и сказал:

– Я денег не беру.

– Как это? – искренне удивилась Панкратьева.

Люська о деньгах ничего не говорила, но, опять же хорошо зная ее, можно предположить, что расценки на волшебные услуги должны быть далеко не маленькие.

– Нельзя. – Арсений горестно вздохнул и развёл руками.

– Почему это?

– Закон такой. Я бы и рад, да нельзя. Если используешь дар в корыстных целях, он постепенно исчезает.

– Странно и неправильно, – категорично заявила Анна Сергеевна. – Все используют свои таланты в корыстных целях и – ничего, а вам нельзя. Это несправедливо.

– Вы неправы. Если композитор будет сочинять музыку, думая только о том, сколько он за нее выучит денег, то эта музыка умрет даже не родившись.

– Да, согласна, поэтому сочиняя музыку, композитор думает о любви, цветах, страстях-мордастях разных и прочем, что вызывает его вдохновение, но зато потом, когда он свою музыку сочинит, он помчится к какому-нибудь музыкальному редактору, ну или еще к кому-то, я точно не знаю, я ж не композитор, и обязательно продаст свою музыку, чтобы купить детям хлеба или булки с маслом или с икрой. Без разницы. Мы живем в материальном мире, где деньги являются мерилom успеха. Так что, чем композитор популярней, тем богаче! И это правильно!

– Анна Сергеевна! Согласитесь, что популярней – это совсем не означает, что лучше, талантливей, гениальней.

– Не всегда, но вы правы, для популярности композитору ещё необходима удача, ну, чтоб звёзды сошлись. И тут на сцену выходите вы и делаете ему эту удачу, так почему же с вами не поделиться? Комиссионные и всё такое прочее.

– Потому что удачу эту делаю не я, а сам человек своим трудом и те самые звёзды, которые сходятся, как вы сказали.

– Хорошо, я не буду с вами спорить, я поняла, что вы меценат, добрый самаритянин, мать Тереза и ангел в одном лице. У вас даже имя такое подходящее ангельское. А тратите вы свое время на разных людей исключительно с целью облегчить их страдания и решить их неразрешимые проблемы.

– Ну почему же? Это не совсем так. Я собираю материалы для своей книги. И потом, каждый случай, с которым я сталкиваюсь, не похож на предыдущий. А кроме того, мне откровенно интересно то, на что, как вы выразились, я трачу свое время. Однако, Анна Сергеевна, нужно отметить, что вы не производите впечатления страдающего человека, замученного неразрешимыми проблемами. От вас просто разит тем самым успехом, которого все так жаждут, и я искренне удивлен вашему появлению. Что же у вас-то не так? – Волшебник опять улыбнулся

своей виноватой улыбкой, как бы заранее извиняясь, если что-то в его словах может показаться собеседнице обидным.

Панкратьевой, которая как кура на жердочке пристроилась на краешке старомодного дивана, стало не по себе. Действительно, она вполне успешная, красивая и здоровая отрывает время у человека, реально помогающего людям с настоящими проблемами. Хотя это с какой стороны посмотреть. Успешный, красивый и здоровый – это ведь не обязательно счастливый. Совсем не обязательно, а зачастую даже и вовсе наоборот.

– Знаете, Арсений, постараюсь вам объяснить, ведь я и сама пока еще толком не понимаю, – начала Панкратьева, собираясь с мыслями. – Несмотря на то, что у меня вроде бы все в порядке, я получаю от своей успешной жизни кучу отрицательных эмоций. Понимаете, я самая настоящая неудачница. Мне никогда не везло. То есть само в мои руки ничего ни разу не приплывало, те самые звёзды никогда не сходились, и всё, чего я добилась, я сделала тяжелейшим трудом, постоянно преодолевая какие-то трудности. Как говорится, не благодаря, а вопреки! И получается, что жизнь моя – самая настоящая борьба. Вот вы говорите, что вам нравится то, чем вы занимаетесь, а мне не нравится моя руководящая денежная работа, мне не нравится моя квартира в престижном районе, мне не нравится..., – тут Панкратьева запнулась, – не совсем нравится, – поправила она сама себя, – успешный человек, с которым я живу. Наверное, кому-то со стороны может показаться, что я просто бешусь с жиру. Конечно, многие люди живут гораздо хуже, но поверьте, я очень устала, отвоевывая у мира то, что мне не особо-то и нравится. И кроме того, у меня создалось впечатление, что большинство окружающих меня людей, включая даже самых близких, всё время норовят меня как-то задеть и обидеть, причем совершенно на ровном месте, без малейшего повода. Все это происходит со мной постоянно, с самого-самого детства, можно сказать, всегда. Я какой-то ходячий раздражитель. Знаете, даже в магазине иногда на меня кидаются какие-то посторонние люди и начинают обзывать или обвинять в чем-то. И самое неприятное во всем этом, что слезы у меня не задерживаются, я от несправедливой обиды начинаю просто реветь как девчонка. Ничего не могу с собой поделать, и это очень мешает моей работе. Может быть, именно поэтому она мне так не нравится. Наверное, у меня кризис среднего возраста, и мне надо не к вам, а к психотерапевту?

Закончив свой рассказ, Панкратьева выдохнула с облегчением. Наконец-то ей показалось, что она правильно сформулировала проблему, беспокоившую её всю сознательную жизнь, а особенно в последнее время.

Волшебник Арсений улыбнулся и скомандовал:

– Ну, хорошо, садитесь вот на этот стул, сейчас посмотрим, что с вами не так. А к психотерапевту вы всегда успеете.

Стул стоял посередине комнаты, и Панкратьева с некоторой опаской уселась на краешек.

– Не бойтесь, Анна Сергеевна, стул чистый, и ничего страшного с вами не случится. Садитесь поудобней и расслабьтесь, а я пойду пока руки помою.

Арсений вышел из комнаты, и сквозь тонкие стены Панкратьева услышала звук льющейся воды.

«Ядрёна кочерыжка, – подумала она, ёрзая на стуле в поисках удобного положения, – прям, как настоящий доктор».

По мнению Панкратьевой настоящий доктор никогда бы к пациенту не подошёл, не вымыв предварительно руки. Так её мама научила в далёком детстве, когда Панкратьеву лечили доктора из районной поликлиники. Кстати, руки мыли далеко не все из них.

Волшебник вернулся в комнату, встал за спиной у Панкратьевой и принялся размахивать руками. Панкратьевой сначала стало смешно, а потом при очередном взмахе его рук, она вдруг почувствовала странную щекотку в месте присоединения головы к шее. Причем щекотка эта была не снаружи, а именно внутри головы.

– Ой! – испуганно вскрикнула Анна Сергеевна.

– Ничего, ничего. Не бойтесь. Всё хорошо, – успокоил ее волшебник, – можно пересесть обратно на диван.

Панкратьева села на диван и уставилась на задумчивого Арсения, который опять вымыв руки вернулся и в свою очередь уселся на тот самый стул, который Панкратьева про себя уже прозвала операционным.

– Ага, – сказал волшебник и почесал затылок.

– Звучит обнадеживающе! – развеселилась Панкратьева.

– Да уж действительно, Анна Сергеевна, – Арсений на секунду умолк, как бы подбирая слова, – видите ли, из всех людей, которые у меня здесь были, не встречалось ни одного, у которого как у вас была бы столь мощная поддержка сверху.

Панкратьева непроизвольно взглянула на потолок. Волшебник Арсений рассмеялся.

– Я серьезно, у вас очень сильная связь с вашим, как бы это понятней сформулировать... – Он щёлкнул длинными музыкальными пальцами. – Ангелом-хранителем, что ли. Я такого никогда не видел. А что касается ваших проблем, то это полная фигня.

– Ничего себе фигня, когда даже мать родная меня периодически до слез доводит. Я уж не говорю про Дубова, начальничка своего и подельника, пардон, компаньона. Пока не наорёт, не успокоится. – Панкратьева представила румяную рожу Дубова и её аж передёрнуло.

– Ну с этим как раз всё понятно, и ничего тут сложного нет. Вы очень сильная энергетическая субстанция. Прямо скажем, огромный стусок энергии. Я ваше приближение еще за полчаса ощутил. А по гороскопу вы скорее всего Овен.

– Точно! – обрадовалась Панкратьева.

– Так вот, это самый энергетически насыщенный знак Зодиака. Овны дети Солнца. Но из всех Овнов, которых я встречал в своей жизни, я не видел ни одного, из кого бы исходила столь мощная и чистая энергия как из вас. У вас внутри сильнейший аккумулятор и преобразователь. Вы буквально моментально заряжаетесь энергией из пространства, а энергия это ведь и есть жизнь. У одних людей её очень мало, у других, таких как вы, её много, иногда даже с избытком.

– Так это же хорошо? Почему же тогда меня все обижают?

– Ну не все, а, допустим, только некоторые и то не всегда, а когда вы с ними не намерены делиться этой своей чудесной энергией. Признайтесь, вы ведь наверняка и в школе, и в других коллективах играли роль шута. Постоянно всех смешили?

– Да, меня даже классная звала клоуном, а в институте я со сцены в КВНе шутила до посинения. И что все это значит?

– Это значит, что таким образом вы делились и продолжаете делиться своей энергией с окружающими. Вам бы действительно композитором быть.

– У меня слуха нет.

– Жаль, тогда клоуном, ну или политиком, с трибуны звать народ к свершениям во имя чего-нибудь великого. За вами люди точно потянутся. Но! Есть большое «НО» во всем этом деле. Вы же не всегда можете быть клоуном. Вы можете устать, в конце концов. Вам ведь тоже требуется время для восполнения ваших энергетических запасов, они хоть и велики, но не безграничны. Да и ситуация может оказаться для шуток неподходящей. Окружающие же вас люди уже привыкли легко получать вашу вкусную энергию, если это ваши близкие или те, с которыми вы постоянно общаетесь. А вот совершенно незнакомые люди, те, которые кидаются на вас в магазине, просто подсознательно чувствуют вашу чистую и сильную энергию и хотят отнять ее у вас. Не потому, что они плохие, просто им не хватает энергии своей, а самый простой способ восполнить ее это взять у ближнего. А как у него забрать энергию, если он совершенно не желает ее отдавать?

– Как?

– Элементарно! Спровоцировать носителя энергии на эмоцию, при которой носитель свою энергию сам выбрасывает в пространство. А какая самая сильная и легко достижимая эмоция? Обида и слезы.

– Но мне это совершенно не нравится, я не согласна подобным образом своей энергией делиться! Да и с трибуны выступать не хочу, – возмутилась Панкратьева. – Как мне со всем этим бороться?

Волшебник ненадолго задумался, потом опять улыбнулся и сказал:

– Ну, во-первых, когда вы знаете причины поведения окружающих людей, вас уже не так легко прошибить на слезы. Но я вас научу одной штуке. Другого человека я бы никогда этому не научил, но ваша поддержка свыше говорит о том, что вы человек добрый и никогда не будете использовать полученные знания во вред другим людям. Садитесь удобнее и запоминайте. Вы наверняка слышали или читали о третьем глазе?

– Да, кажется, где-то на Тибете таким балуются. Я читала одну интересную книжечку, забыла, как называется, автор то ли Рапсанг Лампа, то ли Лабсанг Рампа. Очень здорово написано. Я вот поверила, что такое возможно, – радостно сообщила волшебнику Панкратьева.

– Вот и хорошо, – опять заулыбался Арсений, – значит вы более менее подготовлены к тому, что я сейчас вам расскажу. Так вот, третий глаз всегда был мощнейшим оружием и использовался отнюдь не для того, чтобы обзирать окрестности, как в сказке про Крошечку-Хаврошечку. В мозгу, под лобной костью, в месте возможного расположения третьего глаза существует нечто, позволяющее мысленно сконцентрировать там сгусток энергии и направить его в требуемом направлении. Опять же мысленно. Поэтому, когда на вас совершается энергетическое нападение, вы можете его отразить. То есть если на вас напал тот или иной человек, пытаясь обидеть и спровоцировать на слёзы, то в критической ситуации вы можете мысленно из области третьего глаза выстрелить в него золотистым шаром. Эффект может быть потрясающим. В большинстве случаев люди даже забывают на полуслове то, о чем они вам только что говорили, и меняют свое поведение на противоположное, на те самые сто восемьдесят градусов. То есть если до этого они с вами спорили, то начинают соглашаться, если обижали, то поспешно извиняются, если ругали, то тут же хвалят. Анна Сергеевна, но вы должны четко помнить, что применять этот метод вы можете только в безвыходной ситуации, и шар должен быть только золотистого цвета. Если шар будет другим, то вы причините человеку вред, а этот вред вернется к вам удесятерённым. Таков закон.

Панкратьева развеселилась. Она живо представила себя в черной мантии, пуляющей в неприятеля огненными шарами изо лба и молниями из рук. При этом волосы её красиво развивались, а сама она хохотала тем самым зловещим хохотом, которым и положено хохотать настоящему колдуну.

– Анна Сергеевна, – прервал эти приятные мысли Арсений, – я хочу, чтобы вы отнеслись к моим словам серьезно. Шары ни в коем случае не должны быть огненными, а из рук молнии вылетают только в кино. Через руки к вам энергия наоборот поступает!

После этих его слов у Панкратьевой медленно отвисла челюсть.

– Арсений, вы и мысли читать умеете?

Арсений рассмеялся.

– Нет, Анна Сергеевна, мысли я читать не умею, просто вы очень громко думаете.

И вот тут Панкратьева ему не поверила.

– Знаете, вы бы мне про свой дар все-таки рассказали поподробнее. Подруга моя, по рекомендации которой я к вам попала, сказала, что вы колдун, а какой же вы колдун? Ни капельки вы на колдуна не похожи.

– Разумеется, Анна Сергеевна, какой же я колдун? Вы колдунов ни разу не видели, что ли? Да на каждом шагу! Кстати, я после вашего ухода обязательно сяду на дерево у подъезда и начну каркать.

Панкратьева внимательно посмотрела на волшебника и прищурилась:

– Издеваетесь, да?

Арсений опять виновато улыбнулся и ответил:

– Да, есть немного.

Практика. Опыт первый

Возвращаясь домой, Панкратьева поймала себя на том, что улыбается. В конце концов, даже если застенчивый Арсений никакой не колдун, а просто шарлатан, начитавшийся разных психологических книжек, его советы её ни к чему не обязывают. Да и денег он не взял, хотя Панкратьева честно пыталась ему всучить две тысячи рублей как за сеанс психотерапии. Разумеется, за сеанс на дому, а не в клинике, там через кассу гораздо дороже. От ее денег волшебник спрятался на кухне и кричал оттуда, чтобы она не портила ему карму своими глупостями.

Кроме того, в душе Анны Сергеевны тут же поселился соблазн испытать колдовскую науку и запустить в кого-нибудь золотистым шариком. Например, в компаньона и непосредственного начальника Дубова. Именно Дубову больше всего и хотелось шарахнуть шаром промежду глаз. Причем не безопасным золотистым, а самым настоящим огненным, и чтоб искры летели во все стороны и из глаз Дубова тоже. Однако вспомнив предостережения волшебника, Панкратьева решила отложить испытание нового оружия до той самой безвыходной ситуации. Она ни минуты не сомневалась, что гад Дубов такую ситуацию организует в два счета. Ему это раз плюнуть.

Когда Панкратьева въехала во двор своего дома, ее глазам открылась замечательная картина. На газоне у единственного во дворе дерева стоял совместно проживающий с Панкратьевой Алик Зотов. Причем не просто стоял, а стоял на одной ноге, изогнувшись совершенно невозможным образом и закрыв глаза.

«Ага! – подумала Панкратьева, – пополняет свои запасы живительной энергии Ци».

Зотов периодически занимался пополнением этой самой Ци с помощью какой-то быстро сложной китайской гимнастики. В первый год совместного проживания с Зотовым Панкратьева еще задавалась вопросом, почему эта самая Ци никак не хочет вливаться в прямо стоящего Зотова, зачем для ее получения необходимо закручиваться в узел? Потом Анна Сергеевна как-то попривыкла к странностям Зотова и перестала обращать на них внимание. Даже его регулярный уход в какой-то «Дзен» для решения наиважнейших жизненных вопросов абсолютно перестал волновать Панкратьеву. Никакого волнения, только легкое раздражение. Подумаешь, кто-то к колдунам и экстрасенсам ходит, а кто-то в «Дзен». У каждого, как говорится, свои причуды.

Однако если Панкратьевой было совершенно наплевать на украшение двора в виде своего бойфренда, или как раньше было принято говорить сожителя, то всем остальным проживающим Зотов, транспортирующий в себя Ци, был отнюдь не безразличен. Так напротив Зотова с открытым ртом замерла девочка из соседнего подъезда, выгуливавшая во время транспортировки Ци своего терьера. Тем более что Зотов для пополнения себя живительной Ци приоделся в ярко-красный дорожный спортивный костюм известной фирмы, расписанный разными завитушками под хохлому и с надписью «Россия» на спине. Нужно отметить, что на терьера, как и на Панкратьеву, Зотов не произвел ни малейшего впечатления, и он сосредоточенно орошал растущий рядом с Зотовым одинокий чахлый куст.

– Как бы кроссовки ему не загадил! – подумала Панкратьева и припарковала свою машину рядом с Зотовским «мерседесом».

Алик Зотов считал, что у него должно быть всё только самое лучшее. Если квартира, то окнами на Невский проспект, если машина, то непременно «мерседес», а если совместно проживающая женщина, то обязательно директор и не просто директор, а директор красивый с ногами от ушей. Однако при всём при этом Зотов проживал в квартире у Панкратьевой, а не наоборот. Дело в том, что в его большой квартире окнами, действительно выходящей на Невский проспект, совместно проживать оказалось совершенно невозможно. Невский проспект, знаете ли, не спит никогда. А уж, чтобы отмыть стеклопакеты, установленные для утепления и

шумоизоляции, Алику приходилось два раза в год нанимать бригаду гастарбайтеров из ближнего зарубежья.

Ох уж эти понаехавшие провинциалы! Коренной питерский житель никогда не будет покупать квартиру окнами на проезжую часть, да еще на главную магистраль города! Настоящий коренной питерский житель живет окнами в тихий двор. А уж если в этом дворе, кроме парковки еще есть и дерево с газоном и кустами, то вот тогда, пожалуй, можно считать, что у человека есть самое лучшее в городе жилье.

Панкратьева не стала отвлекать Зотова от сложного процесса получения Ци из пространства и пошла к подъезду, делая вид, что все это безобразие не имеет к ней никакого отношения. Навстречу из подъезда вышла соседка и поздоровалась с Панкратьевой. В глазах у соседки сквозило очень сильное сочувствие.

«Жалеет меня!» – удовлетворенно подумала Анна Сергеевна.

Вот интересно, когда бывший муж пьяный в подъезде спал, соседи её тоже жалели. Тогда вроде бы всё было понятно, за что и почему жалели. А сейчас? Зотов – мужчина из себя видный, лицо у него интеллигентное, не пьет, не курит, физкультурой занимается, по утрам километры вокруг парка наматывает, не нищелюб какой-нибудь опять же, вон на «мерседесе» ездит, и все равно жалеют! Подумаешь, странненький слегка, но это ж с кем не бывает? Любого ковырни, там такие тараканы ползут.

Панкратьева открыла дверь своей квартиры и прямо из коридора увидела спину сына Федора, который сидел, уткнувшись в компьютер. На экране компьютера разворачивалась нешуточная битва.

– Федь, я пришла! – сообщила ребенку Панкратьева.

– Привет, ма! – пробасил, не отрываясь от компьютера, пятнадцатилетний дитенок. – Есть не хочу, там Алик суп сварил, я ел. Уроки нам не задали, тебе мужик какой-то звонил, я забыл, как зовут. У тебя труба выключена.

Панкратьева спохватилась и полезла в сумку за мобильником. Надо же, как расслабилась. Как выключила перед визитом к колдуну, так и вовсе забыла о существовании телефона.

– Сына! Ты б записывал что ли, кто звонит. Ты никогда не помнишь, а что толку в том, что ты трубку снял. Вдруг что-нибудь важное. Мне ж с утра в командировку лететь!

Панкратьева скинула туфли и босиком прошлепала в детскую комнату. Очень хотелось схватить этого здоровенного детину на ручки и потискать как в детстве. Пришлось, однако, ограничиться поцелуем в белобрысую макушку. А то ненароком начнешь тискать, сразу война компьютерная и будет проиграна.

На кухне противно пахло рыбой, значит Зотов сварил свой любимый суп из сома. Несмотря на жуткую вонищу, суп этот получался у Алика, действительно вкусным, а самое главное являлся невозможно полезным, вот просто полный набор всех необходимых организму элементов. Во всяком случае так Алик объяснил им с Федькой, когда сварил такое в первый раз и с трудом уговорил попробовать. Стараясь особо не приноживаться, Панкратьева съела тарелочку и стала собираться в командировку.

Командировка предстояла очень тяжелая хоть и заграничная. В свое время Дубов с Панкратьевой по большому благу с помощью здоровенной мохнатой лапы своего третьего московского компаньона заполучили очень выгодный контракт на реконструкцию одной из установок зарубежного нефтеперерабатывающего завода. Завод в целях оптимизации и минимизации транспортных и таможенных издержек был приобретен очень солидной и уважаемой нефтяной компанией, которая первым делом кинулась повышать его производительность. А как скажите без помощи Дубова повысить производительность? Нет, конечно, можно нанять местных специалистов, знающих завод как свои пять пальцев, но, во-первых, местные специалисты всё равно на круг со своими человеко-часами вышли бы дороже, а, во-вторых, у местных не имелось такой замечательной мохнатой лапы как у Дубова и Панкратьевой. И все бы получи-

лось хорошо и красиво, да директор завода, с которым Анна Сергеевна Панкратьева выстроила в своё время душевные и доверительные отношения, вошел в пенсионный возраст и в соответствии со строгими пенсионными правилами компании вынужден был покинуть свой пост. Замену ему нашли и не где-нибудь, а в Уфе. Опять же, где еще куются проверенные кадры для работы на зарубежных заводах? Ну, не в Москве же и не в Питере, ей-богу!

Как только новый директор вошел в курс дела, сразу же насмерть разругался с Дубовым. Так сказать, не сошлись взглядами на способы увеличения производительности. И хотя предложения Дубова были утверждены самым высоким руководством компании, новый директор заявил, что ноги шарлатана и проходимца Дубова больше на заводе не будет, и тут же прекратил дальнейшее финансирование проекта. Шарлатан и проходимец Дубов, тем не менее, силами руководимого им коллектива работу довел до конца и решил направить на завод тяжёлую артиллерию в лице Панкратьевой. Так и сказал, мол, Панкратьева – это его тяжёлая артиллерия типа бронепоезда, что как известно стоит на запасном пути. Это он, конечно, загнул, ну или с мальчишкой для битвы перепутал. Сам не захотел служить макиварой.

Перед Анной Сергеевной стояла нелёгкая задача подписать все необходимые для закрытия работы документы, вышибить деньги, и, по возможности, договориться о контрактах на новую работу. Последнее уже было из области фантастики. То есть в целом предстоящую командировку можно было обозначить как известный фильм «Миссия невыполнима».

И такая невыполнимая миссия требовала абсолютной безукоризненности, поэтому Анна Сергеевна задумчиво перебирала свой гардероб, состоящий в основном из универсальных практически немнущихся темных костюмов. Ну, скажите, какая безукоризненность без правильно подобранной одежды? Панкратьева очень ценила свои костюмчики. Они подчеркивали то, что необходимо подчеркнуть и то, чего у других игроков сурового мужского бизнеса отродясь не бывало, а именно грудь и попу. Нет, пожалуй, с попами у мужчин дела обстоят тоже неплохо. Руководящие господа в большинстве своём походят на сардельки, но кто смотреть-то будет на их попы? Кому они интересны? А вот на попу Анны Сергеевны Панкратьевой в сочетании с тонкой талией и обтянутую чем-то совершенно немнущимся обязательно посмотрят, от мыслей своих про дурацкую производительность отвлекутся и подпишут все в два счета, да еще скажут:

– Заходите к нам еще, мы вам очень рады!

Анне Сергеевне очень шли различные сочетания черного и белого цветов, особенно расцветка «куриная лапка». Хотя как-то в одном дамском журнале она прочитала, что эта «куриная лапка» действует на мужчин как красная тряпка на быка, вызывая жуткое раздражение. Однако с такой реакцией противоположного пола на свою «куриную лапку» Панкратьева никогда не сталкивалась.

Наконец, парочка костюмов была отобрана: один в дорогу, другой на смену, та самая «куриная лапка». Затем в полетный чемодан были отправлены несколько также немнущихся светлых блузок, и туда же пристроены роскошные туфли на высокой шпильке. Вот и всё, места осталось как раз только для огромной косметички и фена. Фен Панкратьева брала с собой всегда по многолетней привычке. Дело в том, что волосы Анны Сергеевны имели свойство к утру превращаться в слипшиеся перья, поэтому каждое утро их приходилось мыть и вздыбливать феном в относительно приличную прическу.

Конечно, она летела в зарубежную командировку в столицу европейского государства, где раньше ее всегда селили в центре города в пятизвездочном отеле. А уж там и фен, и халат, и тапочки, и всяческая «какава с чаем» входят в обязательный ассортимент. Но это было раньше. Кто его знает этого нового директора, вдруг назло шарлатану и проходимцу Дубову велит поселить ее где-нибудь с удобствами во дворе? Ха-Ха-Ха! Три раза. Этим Анну Сергеевну не испугать. Ей как-то даже за полярным кругом в общежитии вахтовиков пришлось ночевать, но и оттуда она вышла с безукоризненной прической. Когда у дамочки в сумке есть, как поется в

песне нестигаемой Аллы Борисовны, «тушь, расческа, туфли» и, конечно, фен, то она своего непременно добьется как тот самый бронепоезд. Так что Панкратьева посчитала себя во всеоружии и решила, что готова к любым каверзам. Рядом с чемоданом она пристроила портфель с документами, чтоб не забыть ненароком, и довольная собой направилась в ванную складывать косметичку. В ванной она посмотрела на себя в зеркало и замерла. Так и захотелось сказать «свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи!» Выглядела Панкратьева Анна Сергеевна просто замечательно. Из зеркала на нее глядела очень красивая практически молодая женщина. Это при родных-то тридцати девяти! Конечно, приходилось раз в три недели закрасшивать седину, но никому об этом знать не положено.

Следует признать, что столь вопиющая молодость сопутствовала Панкратьевой во многом благодаря усилиям Алика Зотова. Тот являлся приверженцем здорового образа жизни, прямо скажем, очень-очень здорового. Сам Алик не пил, не курил и регулярно занимался спортом. Кроме того, он категорически не употреблял в пищу мясо, за исключением курицы, и при любой возможности ел рыбу, особенно любил сырую. Еду себе он готовил исключительно сам, не доверяя столь важное дело Панкратьевой, готовил в большинстве случаев на пару и практически без соли, вместо соли он использовал соевый соус. Ничего жареного, копченого, никаких полуфабрикатов Алик не ел, пил он только зеленый чай и ко всему этому усиленно приобщал Панкратьеву, а также постоянно боролся с её вредными привычками. И если есть паровую и несоленую пищу Анна Сергеевна еще соглашалась, то отказать себе в кофе и сигаретах оказалось выше ее сил. Поэтому оторвавшись от зеркала Панкратьева собрала косметичку и с чувством выполненного долга отправилась на кухню курить.

Осень выдалась на редкость теплая, и можно было открыть окно дабы покурить на свежем воздухе, а заодно и проветрить кухню от всепроникающей вони полезного супа из сома. Опять же из окна открывался великолепный вид на поглощающего Ци Зотова. Анна Сергеевна достала из пачки тонкую ментоловую сигарету и с чувством закурила. Ну, как тут бросишь курить, когда эти чёртовы искусители наладили выпуск таких вкуснейших ментоловых сигарет. Старые ментоловые, те самые про которые пелось это вот: «дым сигарет с ментолом», были все-таки резковаты, а эти имели тонкий вкус и просто замечательно пахнущий дым. Некоторые особые приверженцы здорового образа жизни часто жалуются на отвратительный запах сигаретного дыма, на это можно им в ответ пожелать всю жизнь суп из сома нюхать.

Если бы Зотов не был так погружен в себя, наверняка бы решил, что Панкратьева нарочно над ним издевается, нагло курия в окне напротив.

– Аня, как ты не понимаешь! – каждый раз, видя ее курящей, говорил Зотов. – Никотин, алкоголь и наркотики придуманы исключительно для того, чтобы рабы видели пространство вокруг себя искаженным! А ты мало того, что куришь, ты еще ведрами пьешь кофе, а в командировках и коньяк употребляешь!

«Надо же такое придумать, – мысленно возмутилась Панкратьева, затягиваясь сигаретой и разглядывая Зотова из окна, – ишь, властелин мира весь в красном, а кругом рабы, понимаешь ли! Да вкусно мне это всё: и сигарета, и кофе, и коньяк, и картошечка жареная с золотистой корочкой, и шашлык! Господи, шашлыка-то как хочется. Виданное ли дело, чтобы рабы ели всё, что им захочется, а господа ограничивали себя во всём, ещё и без соли! Как такое возможно? Совсем у парня от этой Ци ум за разум завернулся».

Мясо, по версии Зотова, нельзя было есть отнюдь не из жалости к несчастным животным, а потому что, когда злые убийцы приходили убивать коров и поросят, те страшно боялись, и при этом в их кровь поступал адреналин. А потом Панкратьева ела мясо убитого животного и сама, в свою очередь, через их адреналин начинала всего бояться. Правда, обычно поев мяса Панкратьева почему-то никакого страха не испытывала, а наоборот хотела спать. Курица же и рыба в силу своей абсолютной безмозглости в соответствии с теорией Зотова факта своего убийства не осознавали, поэтому есть их можно было смело.

Однако несмотря на весь скепсис по отношению к системе питания Зотова, через год совместного проживания с ним, питаюсь хоть и частично так, как он этого требовал, Панкратьева резко помолодела и похорошела. И даже сама подумывала над тем, чтобы бросить курить. Конечно, не из-за глупостей про рабство и искаженное восприятие действительности, а исключительно из-за желания быть вечно молодой и прекрасной. Согласитесь, это серьёзный аргумент для дамочки, которой есть, что терять.

От этих мыслей ее оторвал звонок мобильного. Звонил Дубов.

– Ну, наконец-то! Ты чего телефон выключаешь? Тебе Федор передавал, что я звонил, почему не перезвонила? Я ж волнуюсь!

– Слава Богу, если Федор в своих компьютерных войнах помнит, как его самого зовут! Сказал, что мужик какой-то звонил и все. А чего ты волнуешься?

– Надо же! Мужик какой-то?! Он меня совсем не знает, что ли? Вот поросёнок! А волнуюсь я, потому что ты летишь завтра волку в пасть! Ты там, это, на амбразуре сильно не убивайся. Упрется, ну его на хрен! Будем решать через Москву. Мы ж с тобой, слава Богу, не на помойке найденные.

– Как скажешь, товарищ командир, – радостно согласилась Панкратьева. Даже представила, как заходит в руководящий кабинет и говорит, мол, здарсьте и до свидания, наше вам, пишите письма. Красота! Только и остаётся, что командировочные пересчитать да с пользой потратить.

– Ань, я б сам полетел, ты же знаешь, да, боюсь, морду ему набью, не удержусь. – Дубов явно чувствовал себя виноватым. – А ты мне пообещай, если он в штопор войдет, развернешься и свалишь оттуда! Слышишь? Ты мне тут нужна нервно здоровая.

– Угу, я постараюсь. – Панкратьевой очень понравилось, как Дубов её уговаривает, в кои-то веки, поэтому продолжила нагнетать:

– Но уж больно про него страсти всякие рассказывают. Боюсь я, вдруг не успею ноги унести?! – Тут она живо представила, как бежит из кабинета, а её настигает брошенный ей во след малахитовый чернильный прибор с позолоченными гербами. Такие чернильницы особенно любили большие руководители той самой уважаемой компании, которой принадлежал завод.

– А ты не бойся. Если что, плюнь ему в рожу, и уезжай. И звони, докладывай, как и что. Я сейчас правду тебе говорю, волнуюсь за тебя, переживаю. Поняла? – В голосе начальника сквозила забота.

Панкратьева рассмеялась:

– Люблю тебя, Дубов, хоть ты и гад гадостный. Все, конец связи.

Она повесила трубку и подумала, что иногда бывает очень несправедлива к своему компаньону. Вон, похоже, действительно переживает, а она ему ради эксперимента чуть меж глаз огненным шаром не засандалила! Хотя не исключено, что Дубов просто исполнил на прощанье ритуальный танец, изобразил заботу, чтобы потом, когда она вернётся ни с чем, чихвостить её и в хвост и в гриву с чистой совестью.

Следует отметить, что Анна Сергеевна Панкратьева и её непосредственный начальник и компаньон, или как она его называла, подельник Дубов были знакомы очень давно ещё со времен Перестройки и прекрасно знали всю подноготную друг друга, даже пытались в своё время дружить семьями. Дружба не получилась, а вот некоторая фамильярность в отношениях в отсутствие подчинённых осталась.

Утром Панкратьева подпрыгнула на кровати от свирепого рёва будильника. Рядом безмятежно сопел Зотов. Набравшись Ци, Зотов мог спать не только под гул Невского проспекта, но и под пушечную канонаду. Анна Сергеевна чмокнула его в нос и отправилась в ванную.

Она очень любила эти ранние утренние часы, когда все еще спали, и никто не путался под ногами. Панкратьева собралась, сварила себе кофе и села завтракать чашкой кофе с сигаретой.

Это было так вредно, но так вкусно, а кроме того, помогало ей сосредоточиться на предстоящей поездке.

Перед выходом из дома она прокралась в комнату Федьки и обцеловала своего детеныша, тепло и спящего.

Дорога в аэропорт оказалась пустынной, огромный город еще спал, поэтому Панкратьева очень удивилась, краем глаза заметив в зеркале заднего вида большой черный внедорожник, едущий следом за ее маленьким спортивным автомобильчиком практически вплотную.

Благодаря хорошо развитому периферическому зрению, Анна Сергеевна как стрекоза часто видела то, что происходит у нее за спиной. Поэтому она еще больше удивилась, когда обернулась и никакого внедорожника за своей машиной не обнаружила. Зрение никогда Панкратьеву не подводило, и она твердо была уверена в том, что внедорожник все-таки был, но вот куда он девался?

«Чертовщина какая-то», – решила Панкратьева и стала внимательней следить за дорогой.

До аэропорта она доехала без приключений, внедорожника больше не видела, успокоилась, и решила, что ей это все померещилось с недосыпу. Поставив машину на стоянку, Панкратьева отправилась в зал ожидания и вскоре уже сидела в самолете, пристегнув ремни.

Спать в самолетах у неё никогда не получалось, а из-за того, что довольно часто летала в командировки, все полетные журналы из спинок впередистоящих кресел она знала уже наизусть. Книжки с собой таскать было бы неправильно, вон один фен сколько места занимает, лишний вес опять же, поэтому каждый раз садясь в самолет, Панкратьева переживала приключение встречи с очередным дамским журналом. Она покупала эти красивые глянцевые журналы с картинками исключительно в самолете и там же их оставляла. Журналы эти были очень интересными и содержали кучу полезных сведений от гороскопа и кулинарных рецептов до разных советов, как обращаться с мужчинами. Панкратьева эти советы внимательно изучала, а по возвращении из командировок всегда честно пыталась применить их на практике, то есть в приложении к Зотову. Но, то ли Зотов был не такой как все остальные мужчины, то ли советчица журнальная сама не знала, что советовала, но к Зотову советы из дамских журналов прикладываться отказывались наотрез. Тем не менее, само по себе чтение этих советов являлось очень увлекательным занятием, и время в полете пролетало практически незаметно.

В этот раз советчица рассказывала о том, что если организму дамочки требуется секс, а заняться сексом дамочке не с кем, то надо пойти в магазин и получить то же самое удовольствие от покупки нужной вещи. Мол, от шопинга организму станет так же полезно и радостно как от секса. Вот с этим Анна Сергеевна Панкратьева сразу согласилась. Причем независимо от того хотелось ей заниматься с кем-нибудь сексом или нет, в магазин она всегда шла с удовольствием и с удовольствием тратила там деньги, а потом с удовольствием шла домой и с удовольствием мерила приобретенную вещицу с различными вариантами своего гардероба. А уж если покупалась новая шуба или машина, то вот это было удовольствие так удовольствие. Какой там секс?! Этот полезный журнальчик даже обидно было оставлять в самолете, и Панкратьева забрала его с собой.

Несмотря на все опасения, встретили ее хорошо, поселили, где и всегда, в центре, в том же пятизвездочном отеле. На заводе Панкратьеву ждали на следующий день с утра, поэтому высвободившийся вечер можно было посвятить осмотру достопримечательностей или посетить магазины. А так как достопримечательности Панкратьева изучила еще в свои предыдущие приезды, то она с удовольствием направилась в магазины за своей порцией секса, как следовало из только что изученного журнала. И не зря! В магазине она увидела роскошный костюмчик, черный в мелкий белый горошек. Самое приятное заключалось в том, что костюмчик сел на Панкратьеву как влитой, да еще и денег стоил не таких огромных, к каким Панкратьева уже привыкла на Родине в так называемых бутиках. Вы ж понимаете, что в питерский бутик этот костюмчик надо ещё привезти, а по дороге, как водится, заплатить мзду всем мздоим-

цам, которых в нашей великой стране издревле семеро с ложкой на одного с сошкой. Скрепная традиция такая. Разумеется, костюмчик был тут же куплен и примерен в номере отеля со шпилечными туфлями. Блеск! Панкратьева обмыла костюм коньяком из минибара, выкурила под рюмочку коньяка вкусную сигаретку, и совершенно счастливая завалилась спать. Ни про какой такой секс после столь замечательного шопинга в соответствии с журнальной теорией она даже не вспомнила.

Ночью ей приснилось, что она летает. Вышла из отеля в новом костюме и полетела. А потом стала ходить по облакам прямо в своих шпильках. Шагнет на облако, а оно так и пружинит под ногами. Внизу на площади перед отелем стояли люди, улыбались и махали ей руками. Самое интересное, что она сверху разглядела площадь в мельчайших подробностях. Особенно фонтан. Она даже видела завитушки, местами от старости покрытые зеленью.

Наутро, когда Панкратьева в новом костюме спустилась в буфет завтракать, она поняла, что вооружена до зубов и неотразима. Проживающие в отеле командировочные и туристы мужского пола застывали при ее появлении как соляные столбы. Панкратьева вспомнила волшебника Арсения и задумалась, откуда же в ней самой берется эта большая энергия, о которой тот говорил? И та ли эта самая Ци, ради получения которой Алику Зотову приходится завязываться немислимым узлом и питаться как кролик? Может быть, Панкратьева отнимает эту самую энергию у встреченных на своём пути мужчин? Вот прямо сейчас идёт себе вся такая в мелкий белый горошек и вытягивает из туристов жизненные силы. Панкратьева представила, как от неё во все стороны расходятся невидимые щупальца и высасывают из мужчин жизненные силы. Картина получилась красивая, но страшная. Это ж медуза Горгона какая-то, а не Анна Сергеевна Панкратьева. Пришлось даже слегка помотать головой, чтобы избавиться от ужасного виденья. Если б это было так, то волшебник Арсений наверняка бы это обнаружил и предупредил её. Вон как волновался, чтоб она никому вреда не причинила.

На заводе Анну Сергеевну Панкратьеву ждали явно с интересом. Старые знакомые, с которыми отношения были налажены еще при прежнем директоре, глядели на нее сочувственно.

«Опять жалеют! – подумала Панкратьева. – Прямо как соседи мои».

Она обошла все службы, получила необходимые для закрытия выполненной работы визы. Главный бухгалтер завода, которую все на заводе уважительно и с любовью называли Тимофеевна, заверила Панкратьеву, что перечислит ей деньги сразу, вот просто незамедлительно, как только поверх этих виз появится главная подпись самого! И тоже поглядела сочувственно.

Панкратьева вздохнула и направилась в приемную директора. Там ее уже ждала секретарь Лидочка.

Надо сказать, что Панкратьева виртуозно умела налаживать отношения с секретарями и помощниками больших боссов. Причем, какими бы не были отношения Панкратьевой с самими этими боссами, отношения с их секретарями всегда оставались самыми что ни на есть доверительными и душевными.

Увидев Панкратьеву, Лида закатила глаза:

– Анна Сергеевна, здравствуй, выглядишь потрясно! – затараторила она. – Слушай, наш назначил совещание по вашей установке на двенадцать ноль-ноль. Велел, чтоб ты обязательно была.

Панкратьева расцеловалась с Лидочкой.

– Здравствуй дорогая! Ты тоже хороша, как супермодель прямо! – сообщила она, с удовольствием разглядывая красавицу Лиду.

Лида в свое время выиграла титул «мисс Кишинев», но кроме выдающихся внешних данных имела ещё и очень сообразительную голову, диплом о высшем юридическом образовании, в совершенстве владела английским, итальянским и румынским языками, поэтому и

получила работу в солидной компании, да еще на зарубежном заводе. Правда, работу секретарскую, зато при большом начальстве. Надо же с чего-то начинать. Однако Анна Сергеевна подозревала, что, выбрав карьеру супермодели, Лида уже заработала бы не один миллион и поплёвывала бы на это большое начальство откуда-нибудь с Эйфелевой башни.

– А скажи, кто еще будет совещаться? Что за зрители приглашены? – поинтересовалась Панкратьева. – Видать, твой начальник меня рвать на части тет-а-тет не желает.

Она представила себя на арене римского цирка в битве со львом в окружении жаждущих крови ревущих трибун.

– Не бойся, наши нормальные все будут: главный инженер и начальник установки. Ты их знаешь. Женщину в обиду не дадут. Кроме того, у нас все вашей работой довольны, очень даже довольны.

«Ага, – с облегчением подумала Панкратьева, – главный инженер с начальником установки это всё-таки не толпы возмущённой общественности, требующие зрелищ».

– Ты-то тут как? – спросила она Лидочку. – Кофе дашь?

– Ой, – Лидочка засуетилась у кофе-машины, – лучше не спрашивай! Я по Сергею Павловичу знаешь, как скучаю! Это ж такой человек был! Как мне повезло, что я с ним поработать успела, – зашипела она, оглядываясь по сторонам. – Боюсь, скоро мне придется работу искать. А я в Кишинев возвращаться совсем не хочу. Это ж всё опять с нуля начинать.

– Понятно, – посочувствовала ей Панкратьева, – ты раньше времени-то не переживай, может, еще сработаешься. А, кроме того, что-то я не знаю фактов, чтоб из вашей компании кто-то увольнялся. Уж если попала в этот кузовок, значит тебя посчитали груздем, и лотерейный билет, считай, уже на всю жизнь выгащила. Все будет хорошо. Эх, мне бы к вам в компанию на работу просочиться!

– Ой, что ты! Вот бы здорово, я бы к тебе секретарем пошла.

– Не секретарем, Лида, а помощником руководителя! Главным!

Лида расхохоталась:

– Нет, лучше генеральным!

К тому моменту, когда Панкратьева выпила кофе, в приемной стали собираться сотрудники завода, приглашенные на совещание. Со многими она сегодня уже виделась и успела расцеловаться. Атмосфера воцарилась веселая и непринужденная. Мужчины столпились вокруг Панкратьевой, и она рассказала им очередной свой анекдот про то, как Дубову трудно преодолевать рамки безопасности в аэропорту. Так уж её начальник устроен, всегда звенит! Поэтому весь коллектив их предприятия пришёл к выводу, что звенит его стальной характер, но это, конечно, версия для Дубова. Тут же посыпались различные гипотезы о причинах этого звона, а Панкратьевой вспомнился волшебник Арсений и поставленный им диагноз про клоуна. Слышал бы сейчас этого клоуна сам Дубов, мало бы ей не показалось.

В веселом настроении вся компания и ввалилась в директорский кабинет в строго назначенное время.

Новый директор по фамилии Воронин на взгляд Панкратьевой оказался мужчиной очень и очень интересным, что называется импозантным. Никакая вам не сарделька, наоборот стройный и плечистый. Легкая благородная седина на висках, умные глаза, непонятный возраст: то ли под пятьдесят, то ли за пятьдесят, дорогой костюм и крепкое рукопожатие. В целом, можно сказать, прекрасный принц среднего возраста. Разумеется, для тех, кто хоть что-то в этих принцах понимает. Панкратьева даже слегка успокоилась. Уж больно внешность волка, к которому она по словам Дубова прилетела прямо в пасть, вызывала доверие. Такие обычно Панкратьевой восхищаются, а не откусывают ей голову.

Все расселись.

Главный инженер доложил о проведенной с помощью фирмы Дубова и Панкратьевой успешной реконструкции установки, о том, что она, наконец, вышла на проектную мощность, что дало серьёзный рост производительности завода в целом.

Начальник установки в свою очередь тоже похвалил работу предприятия Панкратьевой и выразил надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Панкратьева, разумеется, рассыпалась в ответных комплиментах и поблагодарила коллектив завода за оказанное доверие, а также выразила надежду на дальнейшую совместную работу по реконструкции остальных установок завода. Короче, традиционное бла-бла-бла или, как говорится, мир, дружба, жвачка! Бухтя это вот всё, Панкратьева тихонько подложила на директорский стол прямо к тому самому традиционному малахитовому чернильному прибору с позолоченными гербами пачку документов, требующих окончательной подписи Самого.

И когда, казалось, что все уже позади, и черт не такой уж и страшный, как его малевали, импозантный господин Воронин вдруг вскочил из-за стола, налился малиновым цветом и заорал. Причем заорал он так громко и неожиданно, что Панкратьева аж подпрыгнула на стуле, а остальные вжались в свои кресла.

– Вы что?! – дурным голосом орал практически прекрасный принц, несмотря на всю свою благородную внешность. – Что себе позволяете?! Это вы свою халтуру работой называете? Где этот придурок, начальник ваш? Он мне зачем тут смазливую бабёнку прислал задом вертеть! Я на дурака похож, да?! Без баб раньше работали и дальше как-нибудь обойдемся! Баба должна дома сидеть и детей воспитывать, а не лезть не в свое дело! Пошла вон отсюда, вертихвостка!

Надо сказать, что уже при словах про бабёнку, вертящую задом, на глазах у Панкратьевой закипели слезы. Это она-то бабёнка? В новом костюме горошком?

«Господи, Господи, только бы не разреветься», – твердила она про себя, и от этого становилось еще хуже, слезы предательски скапливались в уголках глаз, собираясь бесстыдно поползти к носу.

В этот самый момент Панкратьева внезапно вспомнила про свое волшебное секретное оружие. Сразу полегчало, слезы изумленно остановились. Она мысленно сконцентрировалась в области третьего глаза, как учил её Арсений, и к моменту окончания фразы про вертихвостку шаркнула большим золотистым шаром прямо по благородной седине вопящего противника.

Шар получился действительно золотистым, как бы покрашенным золотой краской из детства Ани Панкратьевой. Тогда в маленьких пластиковых коробочках продавались два вида волшебной чудесной краски: золотая и серебряная.

Шар полетел довольно быстро и в момент, когда он ударил в голову несостоявшегося прекрасного принца, господин Воронин странно дернулся и внезапно заткнулся. Панкратьевой, как ни странно, уже совершенно расхотелось реветь, и в наступившей тишине она спокойным ровным голосом даже как-то по-хозяйски произнесла:

– Да! Пожалуй, это важное дело надо перекурить. Предлагаю прерваться минут на десять и всем выдохнуть. Потом обязательно продолжим.

Не дожидаясь реакции хозяина кабинета, она встала, взяла из портфеля сигареты и пошла к выходу. Следом дружно потянулись остальные присутствующие на совещании.

В приемной Панкратьеву уже ждала Лидочка с валерьянкой в стаканчике. Видимо дикий крик прекрасного принца был хорошо слышан и там. Проходя мимо Лиды, Панкратьева взяла стаканчик и залпом выпила валерьянку, как будто это была рюмка водки. Можно даже сказать, не выпила, а хряпнула или тяпнула валерьяночки.

– Лучше б водочки! – сказала она Лиде и засмеялась.

– Так у меня и водочка есть, от Сергей Павловича осталась! – поведала Лидочка, всем своим видом выражая готовность накапать Панкратьевой в стаканчик этой самой водочки.

– Спасибо, Лид, нельзя, а то мало того, что я вертихвостка, так еще скажут, что алкоголичка.

Панкратьева вышла на лестницу, где на площадке уже давно организовалось место для курения особо важных персон, приглашенных на совещания в директорский кабинет. Раньше при старом директоре совещание во главе с самим директором плавно перетекало в эту курилку.

Несмотря на внешнее спокойствие, руки у Панкратьевой тряслись, и у неё никак не получалось зажечь зажигалку, но вовремя подоспевший главный инженер завода быстро исправил эту ситуацию.

– Ань Сергевна! Не переживай, давай, я тебе портфель с документами вынесу, а мы с ребятами потом тебе как-нибудь все бумаги подпишем, обещаю, – сказал он, закуривая свою сигарету.

– Спасибо, не надо, я сама – решительно отказалась Панкратьева. – Сейчас вот покурю, да и валерьянка подействует.

– Ну смотри, а то он у нас и вправду бешеный. Многие уже работу подыскивают. Говорят, раньше вроде нормальный мужик был, а потом как с цепи сорвался.

– Да он и выглядит нормальным. Но, ты знаешь, наш Дубов тоже с виду «рубаха парень», а как накатит на него незнамо что, так орет как потерпевший, чуть не визжит да ногами топает. Интересно бы было поглядеть на их схватку. Кто кого поборет, вернее переорёт?! Ладно пойдем что ли в обратный зад! Мне без вашей коллективной поддержки никак нельзя. На миру ведь, как известно, и смерть красна! Кто потом народу правду расскажет, былины сложит?

– Молодец ты, Анна Сергеевна, настоящий боец. – С этими словами главный инженер открыл дверь лестничной клетки, пропуская Панкратьеву вперед.

Проходя в дверь, Панкратьева подумала, что видал бы он этого бойца без волшебного секретного оружия. Стояла бы сейчас и рыдала, глотая дым. Однако Арсений скорее всего никакой не волшебник, а просто-напросто очень хороший психолог. Может быть, с таким же успехом она могла бы своему противнику мысленно не золотым шаром в голову запулить, а отвесить хорошего пенделя. Представив эту веселую картину, Панкратьева окончательно успокоилась и решительно вошла в кабинет своего противника.

Господин Воронин сидел, как-то ссутулившись, с потерянным лицом, а из-под двери личной директорской комнаты тянуло сигаретным дымком.

– Я думаю, что надо все-таки как-то наше совещание подытожить, – смело начала Панкратьева, усаживаясь на свое место за переговорный стол.

– Вы меня извините, Анна Сергеевна, – вдруг прервал ее Воронин, – прямо не знаю, что на меня нашло. Вот бумаги ваши, возьмите, я всё подписал. Извините еще раз.

Панкратьева опешила. Вот это фокус! Похоже, все-таки никакой психологией тут не пахнет. На лицо нормальное настоящее волшебное колдовство или колдовское волшебство! Мысленно она потёрла руки, хихикнула и решила не останавливаться на достигнутом, а закрепить результат.

– Да бросьте, чего вы извиняетесь, когда кругом правы?! – сказала она как ни в чём не бывало.

Дело в том, что Анна Сергеевна Панкратьева читала не только дамские журналы и книги про третий глаз. Ещё во времена борьбы с пьянством и алкоголизмом бывшего супруга, она почитывала книжки по психологии и воспитанию. И в одной из них как-то прочла, что мощнейший воспитательный эффект на воспитуемого оказывает неадекватная реакция на его проступок. Вот такой неадекватной реакцией она и решила добить несостоявшегося принца среднего возраста Воронина.

Воронин посмотрел на нее недоверчиво.

– Да, да! Вы, абсолютно правы, – продолжила Панкратьева, – не женское это дело работать, в совещаниях сидеть, трамваем рулить да шпалы укладывать. Женская работа действительно мужу щи варить да рубашки гладить. Вот только, знаете ли, не всем женщинам такие

мужья достаются как вот вы. Я имею в виду директоров заводов. Ну, чтоб мяса для щей привез, детям конфет да жене гребешок красивый, в смысле шубу. А некоторым так и вообще никаких мужьёв не достаётся. Не хватает в нашей стране мужьёв в принципе. Песню помните про статистику? А детей как-то подымать надо. Появлению детей статистика никак не мешает. Дети и без мужьёв прекрасно растут и кушать просят. Да чего греха таить, женщине и самой иногда поесть тоже необходимо. Небось, про потребительскую корзину всё знаете! Вот тут и приходится нам, дамочкам или, как вы говорите, бабам идти в исконно ваши мужские поля и вырывать у вас изо рта кусок хлеба. Ну и попой при этом вертеть, чего уж там, или хвостом, как вы правильно отметили. Ведь если дамочка на работу в бушлате пойдет или ватнике, то всё, хана. Никаких шансов у нее не будет какого-никакого мужа себе найти. Вы ж видели в телевизоре у тех, кто шпалы укладывает, и то химическая завивка сделана. А как же? Как же иначе-то принца своей мечты встретить? Мне, слава Богу, по роду своей профессии и благодаря хорошему образованию шпалы носить не приходится, повезло, так я вот в костюме хожу да губы крашу, ещё и шпильки эти невозможные надеваю. Еле-еле на них шкандыбаю, вечером ноги прямо отваливаются, а я все равно надеваю. Зачем спрашивается? Вот вы думаете, чтобы документы у вас подписать! Да ни фигя подобного! Я ж думаю, вдруг приеду в командировку, зайду в директорский кабинет, а там он – мужчина моей мечты сидит: красив, богат, широк душой, а главное холост. Не, мне без шпилек, помады и костюма никак нельзя. И бумаги тут совершенно ни при чем. Я вот вам сейчас при свидетелях торжественно пообещаю, что как только найду себе мужа достойного, так сразу же с работы уволюсь. Но наряжаться не перестану. Принца мечты завлечь – это полдела, а удержать его подле себя и радовать ежедневно теми же щами – это целое дело. Я бы сказала, главное женское дело!

Говоря это, Панкратьева ни капельки не кривила душой, несмотря на то что дома у неё, казалось бы, имелся тот самый только что описанный ею принц мечты. Алик Зотов вполне себе соответствовал описанию даже по своей должности. Тоже небось директор завода типа того же Воронина, и встретила-то она его благодаря своей работе, можно сказать, у себя в кабинете. Но...! Чего-то всё-таки в Алике не хватало, не зря ж соседи на неё так сочувственно смотрят. Поэтому Анна Сергеевна Панкратьева никогда не оставляла надежды встретить всё-таки того самого-самого, единственного и неповторимого, о чем честно призналась всем присутствующим на совещании.

– Анна Сергеевна! Вот вы меня сейчас добиваете просто. Я ж переживаю, простите меня. Давайте с вами замиримся и коньяка выпьем, у меня тут припасен. – С этими словами сконфуженный Воронин полез куда-то под стол. Через секунду он оттуда вынырнул, сжимая в руках бутылку дорожного французского коньяка.

– Так, вот это же уже совсем другой разговор! – удовлетворенно резюмировала Панкратьева.

И пока Лидочка бегала за рюмками для всех присутствующих, пока резали лимон, вскрывали коробки с конфетами, в кабинете воцарилась дружеская и непринужденная атмосфера.

– Эх, гуляй, рванина, – заявил Воронин, – всем разрешаю курить! Только окна откройте.

– Анна Сергеевна! – обратился он к Панкратьевой, протянувшись к ней через стол с зажигалкой. – Вы меня тоже поймите правильно. У меня есть свой взгляд на реконструкцию завода, и он радикально отличается от взглядов вашего Дубова. Я прекрасно понимаю, что вы с ним люди не простые, а блатные. Это меня и злит больше всего, я ж за дело болею.

– Знаете, – Панкратьева со вкусом затянулась ментоловой сигаретой, – может, мы и блатные, только нам, блатным, насколько мне представляется, абсолютно без разницы, за исполнение какой программы реконструкции вашего завода мы будем получать деньги. Ведь вы же не сомневаетесь, что мы осилим любую программу: и нашу, и вашу. Или у вас свои блатные для этого дела припасены? Что-то не верится. Понимаете, у нас с вами нет конфликта интересов. Есть конфликт двух точек зрения на предмет. Так что, давайте, мы с вами хотя бы лично кон-

фликтовать не будем. Ведь у меня самой своего взгляда на эту вашу реконструкцию вовсе нет. Есть авторитет Дубова и есть ваш авторитет. Пусть компания, в конце концов, решает, каким путем пойти. Жираф ведь большой, как известно, и ему видней. Вы ведь наверняка уже все свои выкладки и расчеты в компанию отправили?

– Отправил, – с тяжелым вздохом сообщил Воронин.

– И что? – любопытствовала Панкратьева, хотя прекрасно понимала, что он ей ответит.

– А ничего, утверждена программа реконструкции, предложенная вашим Дубовым. Вы ж этих бюрократов знаете. Им ничего менять не хочется. Особенно когда уже инвестиции под это дело выделены.

– Что и требовалось доказать! – Панкратьева хлопнула ладошкой по столу. – Но вы же понимаете, что вины Дубова и тем более моей в этом деле нет никакой. Я, например, вам сочувствую, очень. Я и сама иногда начальничку своему Дубову с удовольствием бы горло перегрызла, да общественное мнение и уголовный кодекс мешают!

Воронин расхохотался:

– Но вам-то он, чем насолил?

– Да практически тем же самым, чем и вам. Конечно, сор из избы выносить не хочется, но вам скажу. Набрал на работу блатных разных, родственников да знакомых. Они ошибки делают, сроки срывают, а Дубов не дает мне им головы отвернуть. Мы-то для вас хоть и блатные, а вам сроки не срываем ни на минуточку. Более того, скоро с вас компания начнет сроки трясти да график освоения инвестиций затребует, а у вас еще и договора с нами на второй пункт программы никакого нет. И я вас в этом вопросе, честно скажу, покрывать не буду.

– Ну, тут вы правы, мало мне не покажется.

– Не печальтесь. – Панкратьева полезла в свой портфель. – Вот. Держите, договор у вас теперь есть. Всеми вашими службами он давно завизирован. Так, взяла с собой на всякий случай, вдруг чудо произойдет, и мы с вами договориться сможем.

Воронин взял протянутые ему документы и начал смеяться:

– Слышал я, Анна Сергеевна, что вы женщина выдающаяся, но не предполагал, что до такой степени. Эх вы меня вокруг пальца обвели! Я все бумаги ей по первой работе подписал, так она мне еще и договор на вторую работу подсовывает!

– Да ладно вам! Раз уж нам все равно никуда друг от друга не деться, зачем нервы-то себе трепать. Я вам вот что предложить хочу. У нас новый главный инженер появился Петя Копейкин, очень толковый парень. Ничем не хуже Дубова как специалист. Только характер у него не такой огненный. Вы ж, если с Дубовым вдруг встретитесь, так ненароком и подраться можете. А тут человек спокойный и уравновешенный. Пусть он ваш завод и ведет. Вы тут с ним договоритесь, где чего и как тихонечко поменять в программе нашей, чтоб и волки были сыты и овцы целы. Главное отделу капстроительства в компании сейчас по текущему году деньги закрыть и отчитаться. Господи, чего я вам рассказываю, вы ж без меня все хорошо знаете!

– А я ведь вам сейчас этот договорчик и подписать могу, даже аванс переслать. – Воронин хитро прищурился. – Только пообещайте мне, Анна Сергеевна, что главный инженер ваш придет ко мне для согласования технического задания прямо на этой неделе. Не Дубов, а именно главный инженер ваш. И вообще пообещайте мне, что Дубов на наш завод больше не сунется ни ногой.

– Надеется техническое задание перекроить? – догадалась Панкратьева. – Да уж! Легче пообещать, что с работы сразу уволюсь, когда замуж выйду. Убьет меня Дубов и будет, наверное, прав. Эх, была не была, по рукам!

Анна Сергеевна Панкратьева протянула Воронину руку, и тот, что есть силы, тряхнул ее.

– По рукам! А вы все, товарищи большие начальники, свидетелями будете! – торжественно объявил он главному инженеру завода и начальнику установки.

Это событие также спрыснули коньяком, и счастливая Панкратьева, подхватив все добытые с таким трудом документы, кинулась в бухгалтерию. Хорошо, на всякий случай перед отъездом инвойс на аванс по новому договору нарисовала. Решила, чем черт не шутит, а вдруг и правда повезет и случится тот самый великий русский «авось»!

Однако повезло ей на самом деле или нет не совсем ясно. Впереди предстоял еще серьезный разбор полетов с Дубовым. Необходимо убедить его сбавить обороты, засунуть свои амбиции куда подальше, на заводе не показываться, а просто тихо радоваться реальным валютным поступлениям. Про возможные переделки технического задания она не собиралась даже заикаться. Что будет дальше, время покажет. Вдруг опять тот самый «авось» приключится, и ей всё сойдёт с рук? Тем более больших переделок она не ожидала, но уж больно Воронин легко с ее авантюрным предложением согласился. Наверное, задумал чего-то. А хоть бы и так! Ведь, действительно, не все ли равно, за реализацию какого технологического процесса получать деньги? Процессы все известные, продукты тоже. Может, Дубов и правда где-то просчитался и производительность можно большую получить, если другим путем пойти. В любом случае в подписанном сегодня Панкратьевой договоре черным по белому прописан процесс и установка, которую надо реконструировать. И это никаким техническим заданием не исправить. Только объемы входящих и выходящих продуктов. Господи, спаси, помилуй, а самое главное избавь вот от этих мужских соревнований! Вечно они чем-то меряются.

В бухгалтерии Панкратьеву уже ждали. Удивительно, как быстро в огромном коллективе разносятся слухи. Тимофеевна взяла у Панкратьевой документы и счастливо захихикала:

– Есть Бог на свете! Хоть кто-то нашему монстру нос утер!

– Неизвестно еще кто кому и чего утер, – ответила Панкратьева, – он у вас точно не дурак, только шибко нервный.

– Это не нервный называется, а бешеный. Деньги тебе, Анна Сергеевна, все прям сегодня отправим. Прилетишь, а они уже и на счету будут, можешь смело сразу тратить.

– Ага, главное, чтоб начальник мой Дубов мне за это голову не оторвал.

– На твоего Дубова, как погляжу, не угодишь.

– И не говорите, уж очень он местами на вашего начальника похож. Ваш меня чуть не съел, еле отбилась, домой приеду, а там уже Дубов сидит, рычит и зубами клацает, – захихикала Панкратьева, выуживая из своего безразмерного портфеля плоскую коробочку с дорогими духами. – Это вот вам небольшой пустячок, вы прошлый раз моими интересовались, так я и вам купила.

Тимофеевна завращала глазами и оглянулась по сторонам:

– Ты что, Анечка, зачем?

– Берите, берите, это ж не взятка какая-нибудь. Это просто от женщины другой женщине маленький такой презент в знак женской солидарности. Мы ж с вами на переднем крае, и нам необходимо секретное оружие. Я еще и Лидочке такие привезла. Пусть теперь вокруг начальника вашего моими духами пахнет. Это стратегия такая у меня. В следующий раз приеду, а он и не заметит, решит, что все вокруг свои. Тут я его и подкузмию как-нибудь. Как еще не решила.

– Подкузьми, подкузьми, обязательно. Будет тебе за это от нашего коллектива большой общечеловеческий поклон, – захихикала Тимофеевна, пряча духи в ящик стола.

Подопытный объект номер один. Господин Воронин

Воронин Геннадий Иванович родился и вырос в Уфе. Мать его работала начальником лаборатории крупнейшего нефтеперерабатывающего завода, отец трудился там же в должности начальника смены, поэтому в выборе будущей профессии мальчика Гены никто не сомневался. После окончания школы Гену отправили в Москву учиться на нефтепереработчика в институте, который среди нефтяников именовался просто «Керосинка». «Керосинка» была главным ВУЗом страны, кующим кадры для нефтяной отрасли. Родители Гены решили дать мальчику самое лучшее образование. Конечно, при поступлении Гену подстраховывали через материнские московские связи, но Гена и сам старался, и не только поступил, но и успешно закончил «Керосинку» с красным дипломом. Правда, отец шутил, что хороший студент – хороший инженер, а плохой студент – главный инженер. Тем не менее, вернувшись в Уфу, Гена сделал очень приличную карьеру и к сорока пяти годам стал именно главным инженером того завода, на котором раньше работали родители.

О должности директора не могло быть и речи. В кресле директора завода с незапамятных времен утвердился Соломон Израилевич Штольц. До начала Перестройки его, правда, звали Семен Иванович, но это к вопросу карьеры Гены Воронина не имело никакого отношения. Гене Воронину казалось, что Соломон Израилевич был директором завода всегда и будет им вечно. Слабая надежда на его уход появилась, когда завод вошел в состав крупнейшей в стране нефтяной компании. Однако авторитет и могущество Штольца были настолько велики, что даже строгий пенсионный закон компании, согласно которому весь ТОП-менеджмент безоговорочно отправлялся на пенсию по достижении шестидесяти пяти лет, в отношении Штольца был бессилён. По возрасту Соломон Израилевич уже устремился к семидесяти, но выглядел при этом чуть-чуть постарше Гены Воронина. Воронин прозвал своего начальника Кашеем Бессмертным, смирился с карьерным потолком и направил свою энергию на науку. Он защитил всё в той же «Керосинке» сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации и по мере возможности старался применять свои знания на родном заводе. Штольц был очень доволен своим главным инженером, и всем казалось, что эта парочка (Штольц и Воронин) будут руководить заводом до скончания времен.

Однако внезапно такая идиллия закончилась. Воронину от самого высокого руководства поступило предложение возглавить один из зарубежных заводов компании. Завод этот был гораздо крупнее родного Уфимского и находился в непосредственной близости от столицы бывшего социалистического государства. Столица эта по праву считалась одним из красивейших городов Европы. Предыдущий директор завода в строгом соответствии с пенсионным законом компании с почётом отправился на заслуженный отдых, и Воронину предлагалось занять его место. О таком предложении можно было только мечтать.

Мать Гены Воронина считала, что случилась чудо, и Бог, наконец, услышал ее молитвы. Однако Лиза, жена Геннадия Ивановича, ехать в Европу наотрез отказалась. Единственная дочка заканчивала школу, ее требовалось «поступить» в высшее учебное заведение. Разумеется, всё в ту же «Керосинку», которая стала теперь не просто университетом, а целой академией и постепенно превратилась в учебное заведение для детей ТОП-менеджмента нефтяной и газовой отраслей. Более того, Лиза выразила своё большое недовольство тем, что во время такого важного события в жизни дочери Воронин будет отсутствовать, шляясь по Европам. Она так и сказала «шляясь по Европам», как будто он на увеселительную прогулку собирался.

– Лиза! Ты чего? Это же я лотерейный билет вытянул! Во-первых, это должность директора, о которой я мечтал, и не в Уфе нашей, а в самой Европе. Там даже точно такая же должность как у меня сейчас расценивается как серьёзное повышение. Люди, чтоб на такое место попасть, насмерть бьются. Во-вторых, там совсем другие деньги. И зарплата гораздо выше,

даже больше, чем у нашего Штольца, да плюс к тому суточные, квартирные, представительские и подъемные! И, в-третьих, оттуда только два пути – либо на пенсию, либо в Москву в центральный офис на повышение.

– Мне и в Уфе хорошо! – отрезала Лиза, хлопнув дверью.

К его отъезду они все-таки помирились, и Лиза пообещала, что вместе с дочкой навестит его на ближайших школьных каникулах, посмотрит, что там к чему в этой хваленной Европе. Правда, долго зудела, что Европа Европе рознь и бывшая соцстрана совсем не предел мечтаний, вот если б Лондон, тогда другое дело.

Завод Воронину сразу понравился. Кое-что, конечно, требовалось подремонтировать, модернизировать, реконструировать, а где-то даже и построить, однако в целом завод оказался хорош и полностью соответствовал давнишним мечтам Воронина о возглавляемом им предприятии. ТОП-менеджмент целиком набрали из соотечественников, местное население трудилось в среднем звене и ниже. Правда, охрана и служба безопасности тоже целиком состояла из соотечественников. Персонал на работу пригласили с разных заводов компании, некоторых сотрудников Воронин знал по совещаниям в Москве и по учебе в «Керосинке». Многие из них уже освоили местный язык, что было не так уж и сложно, все-таки братья-славяне кругом и корни у языка схожие. Кроме того, за время, прожитое под руководством прежнего директора, коллектив уже сложился и оброс своими привычками, историями и негласными правилами.

Встретили Воронина хорошо, поселили в президентском номере пятизвездочного отеля в центре столицы. В номере имелись две спальни, гостиная и небольшой кабинет. Воронин сразу решил, когда Лиза приедет, ей в отеле тоже должно понравиться. Как раз сама и квартиру, подходящую для постоянного проживания, подыщет. Того, что Лиза в ближайшее время не приедет, он даже не мог и предположить.

Лиза не приехала: ни в ближайшие школьные каникулы, ни на праздники, ни просто на выходные дни, как это делали некоторые жены его сослуживцев, если не могли оторваться от дел на Родине. Но эти-то женщины работали, и Воронин понимал, что им совсем не просто бросить годами выстраиваемую карьеру. Понятно, что и так-то тяжело изменить налаженную жизнь, оставить подруг и родственников, но карьера – это особая статья. Поэтому многие жены сотрудников завода перебирались к своим мужьям постепенно. Однако в конце концов все-таки перебирались.

Лиза же уже давно не работала, она занималась воспитанием ребенка и очень этим гордилась. Воронина это поначалу умиляло, потом стало раздражать, и он никак не мог понять, чем Лиза будет заниматься целыми днями, когда ребенок вырастет и поедет учиться в Москву. Хотя теперь в свете последних событий он уже предполагал, что Лиза вполне может отправиться в Москву вместе с дочерью.

Воронин с большим нетерпением ждал осенних школьных каникул, однако Лиза сообщила ему, что приехать они никак не смогут, так как ребенку категорически нельзя прервать занятия в секциях большого тенниса и верховой езды.

«Господи! Кого она из нашей дочки готовит? Жену олигарха что ли? – Запоздало спохватился Воронин. – И неужели эти занятия настолько важны? Неужели никто не соскучился по мужу и папе?»

На выходные Лиза приезжать тоже отказалась, ссылаясь на то, что перелеты на короткий срок недостаточный для акклиматизации могут негативно отразиться на ее здоровье. И хотя жена с возрастом несколько расплылась и перестала следить за собой, не любила и не умела готовить, дабы прокладывать путь к его сердцу через желудок, а также постоянно казалась всем недовольна, он по-прежнему любил её и никогда ей не изменял. Он видел в ней все ту же тоненькую и скромную Лизу, которую привез в Уфу из Москвы, где та училась на фармацевта. Родом Лиза была из маленького областного центра в Белоруссии и воспринимала промышленную Уфу местом своей ссылки. Она не раз говорила супругу, что как жена декабриста поехала

с мужем на край света, и за этот подвиг он должен быть ей обязан по гроб жизни. Он с этим не спорил, так и считал себя ей обязанным. Ну кто б ещё будучи в своём уме поехал жить в Уфу? Нет! Только по большой любви такое можно сотворить, никак не иначе.

Мама Воронина не оценила геройского поступка Лизы и невзлюбила невестку сразу и бесповоротно, как только увидела в первый раз. С подозрением она относилась и к своей внучке, особенно когда та подросла и стала как две капли воды похожей на Лизу не только внешне, но и своим вечным недовольством всем и вся.

– Балуешь ты своих баб! – укоризненно говорила мать. – Вон как разжирили, скоро на шее твоей уже не поместятся.

Мама кардинально отличалась от его жены, и сколько Воронин себя помнил, она не просто делала карьеру, а именно вкалывала у себя в лаборатории, постоянно высказывая свое неодобрение замужним «захребетницам».

– Они же, Геночка, как ядовитый плющ! С виду красиво, а на деле душат своих мужиков почему зря. Это еще полбеда, когда плющ красивый. Но твоя-то, Гена, красавица – чистая жаба!

Насчет жабы он с матерью никогда не соглашался. Однако то, что мама оказалась права, и Лиза действительно очень похожа на тот самый ядовитый плющ, Воронин стал понимать только в этой своей такой долгой и такой одинокой командировке.

Постепенно его начали раздражать новые сотрудники, особенно женщины. А больше всех раздражала смазливая секретарша, доставшаяся ему в наследство от прежнего директора. Ему очень хотелось её убить или хотя бы уволить, причём уволить с волчьим билетом, чтоб никуда уже не взяли, но он знал, что в компании не так-то просто уволить кого-то из персонала, за каждым кто-то стоял. Вот и за этой дурочкой, наверняка, чья-то мохнатая лапа имелась. Воронин даже не стал пытаться выяснять, чья именно лапа, просто постоянно рычал на эту идиотку в надежде, что она сама не выдержит и сбежит.

Секретарша несколько раз действительно убегала из его кабинета вся в слезах, а Воронин сам не заметил, как стал срывать и на остальной персонал. Главный инженер, похоже, держался из последних сил. В глазах у него никаких слёз не наблюдалось, а наоборот светилось явное желание набить Воронину морду. А тут еще, как назло, эта модернизация завода, план которой утверждался ещё при старом директоре. Автором программы числился некий Дубов, которого Воронин прекрасно знал как предприимчивого, но очень недалекого человека. Этот Дубов не раз пытался пролезть через голову Воронина на завод к Штольцу, а тут, здарсьте вам, просочился. Попытки Воронина поспорить с предложенной Дубовым концепцией развития завода ни к чему хорошему не привели. Из компании он получил раздраженный ответ со строгим предписанием делать все по утвержденному вышестоящим руководством плану. Дубова тоже явно кто-то прикрывал, причём с самого-самого верха. Воронин попытался переговорить с самим Дубовым, аргументированно не оставив камня на камне от его концепции. Беседа закончилась страшным скандалом, уважаемые собеседники орали друг на друга матом так, что дрожали стены. И тогда Воронин принял решение не оплачивать уже практически выполненную Дубовым и его компанией работу.

«Теоретики ху...вы! – думал Воронин матерно. Думать про Дубова без мата у него не получалось. – Рисуют бумажки, макулатуру плодят, а настоящего производства даже не нюхали, бл...ди».

Однако скандал с Дубовым его серьёзно насторожил. Никогда он еще не испытывал таких приступов неуправляемого гнева. Неужели это всё из-за отсутствия рядом с ним жены? Из-за пресловутого «недотрахеита», как говорят мамы подружки?

Воронин по работе иногда сталкивался с одинокими людьми и знал, как легко они впадают в истерику и скандалят, но, чтобы такое происходило с ним самим?! Геннадий Иванович догадывался, что многие его сотрудники в отсутствие жён посещают местных дамочек лёгкого поведения, но его положение ко многому обязывало, да и какая-то подсознательная брезгли-

вость не давала пойти по этому простому пути. И Воронин решил, что от избытка тестостерона еще никто не умирал. Живут же как-то полярники и моряки в своих дальних путешествиях. Вот и он как-нибудь приспособится к этой проблеме. Не такие проблемы он разрешал.

Когда на завод от Дубова прилетела эта бабёнка Панкратьева такая же смазливая как и его секретарша, Воронин старательно работал над собой и занимался изматывающим утренним бегом, вспоминая героя Челентано, который в подобной ситуации колот дрова. Физическая нагрузка давала свои результаты, поэтому он уже практически выдержал такое тяжелое совещание, но в конце все-таки не сумел совладать с собой. В Панкратьевой его раздражало и бесило абсолютно всё. И костюм этот черно-белый, от которого рябило в глазах, и туфли на огромных каблуках, и сумасшедший запах ее духов. А самое большое раздражение у Воронина вызвал ее портфель и дорожные золотые очки.

«Надень очки, возьми портфель, бл. дь, глядишь, так и за умного сойдешь!» – думал Воронин, разглядывая Панкратьеву. Естественно, думал матерно. А как ещё думать про сотрудников Дубова?

То, что Панкратьева может быть действительно умной, в голове у Воронина никак не умещалось. Не бывает в природе умных с такими красивыми лицами ни среди мужчин, а уж тем более среди женщин. Всем же известно, что бабы дуры, в первую очередь потому, что бабы.

Воронин с раздражением наблюдал, как Панкратьева, разыгрывая из себя по меньшей мере министершу, разводит этих дураков: главного инженера и начальника установки. Вон слюни развесили, только что хвостами не виляют, кобели несчастные. Да уж, знал Дубов, кого прислать. Небось представляет, какая у мужиков на зарубежных заводах жизнь тяжелая. А эта дура и рада стараться, не понимает, что ее используют.

Когда бабёнка явно уже решила, что выполнила поставленную перед ней задачу, Воронин не выдержал и сорвался. Он сказал ей все, что думает и про нее, и про придурка Дубова, и про всех остальных вертихвосток и бл. . . дей, которые лезут в мужские игры. Он даже увидел, как у нее на глазах стали наворачиваться слезы, а потом случилось что-то странное. Он вдруг почувствовал легкий щелчок по лбу, и его затопило жаром. Первая мысль, которая пришла ему в этот момент, была о климаксе. Он слышал от матери, что такое состояние называется приливом. Но у мужиков-то климакса не бывает. Или бывает? Эту замечательную мысль он так и не успел додумать, потому что вместе с охватившим его теплом к нему пришло чувство стыда. Зачем он орет на эту милую подневольную женщину? Она же просто выполняет свою работу и совершенно беззащитна перед ним.

Панкратьева что-то сказала, достала из портфеля сигареты и пошла к выходу, за ней потянулись остальные, всем своим видом демонстрируя неодобрение поведению начальника.

Воронин тоже схватил сигареты, но идти вместе со всеми в курилку ему стало неловко, и он отправился в свою личную комнату отдыха. Открыл форточку и закурил.

«Надо бы показаться врачу, – решил он, – а то не ровен час так можно и копыта откинуть».

Однако сколько он ни прислушивался к своим ощущениям, ничего странного больше не заметил. Более того, он испытывал огромное облегчение и легкую истому как после хорошего секса. А ещё его переполняло нестерпимое чувство вины, поэтому когда все вернулись к нему в кабинет, он кинулся извиняться перед Панкратьевой, а она, вроде ничуть не обидевшись на него, начала говорить очень правильные вещи про мужское и женское, буквально отчитала его как мальчишку. Ему стало совсем стыдно, ведь он увидел в ней не кого-нибудь, а свою родную мать, которая тоже сделала очень даже мужскую карьеру, тоже всегда эффектно и красиво одевалась, была всегда безукоризненно причесана, ненавидела свои высоченные каблуки, но вынуждена была их носить, и всегда выглядела моложе своих лет. Даже сейчас, уже выйдя на пенсию, мать иногда выглядела гораздо лучше своей невестки Лизы. Только если мама Воро-

нина откровенно презирает пошлых домохозяек, то Панкратьева, по всему виду, наоборот им завидует.

«Да уж, эта бы не бросила мужа одного за границей, и не только за границей», – думал Воронин, глядя на Панкратьеву уже совершенно другими глазами. Теперь она откровенно ему нравилась, и он искренне завидовал тому, кому такая достанется.

Конечно, он всё ей подписал, даже больше, чем она ожидала. На прощанье поцеловал ручку и еще несколько дней после отъезда Панкратьевой с наслаждением вдыхал оставшийся в его кабинете запах ее дорогих духов и ментоловых сигарет.

Практика. Опыт первый. Результат номер один

В гостиницу Панкратьева вернулась уже поздно вечером, решила поужинать чипсами и орешками из минибара, съела их все, потом не удержалась и оприходовала имеющиеся в минибаре шоколадки, упала в кровать и заснула как убитая. Утром будильник её мобильного по своему обыкновению зверствовал, но она слышала его панику как сквозь вату, в результате чуть не проспала. За завтраком вдруг опять ощутила сильнейший голод, решила плюнуть на фигуру и не ограничиваться яичницей. В общей сложности кроме омлета она съела еще шесть булочек с шоколадной начинкой, два кремowych мусса, выпила две чашки кофе и выкурила четыре сигареты. Вообще оказалось, что за эту командировку Панкратьева выкурила практически все сигареты, взятые с собой про запас.

В самолете она тоже совершенно несвойственным ей образом крепко заснула. Правда, от запаха разносимой пищи проснулась и быстро съела всю полагающуюся ей еду, а потом ещё косила глазом на подносы попутчиков, глотая слюни.

Офис родной фирмы, в которой Панкратьева трудилась первым заместителем генерального директора, находился как раз по дороге из аэропорта. И еще с основания предприятия Дубовым было заведено, что все вернувшиеся из командировок первым делом должны приехать сначала на работу с докладом, а потом уже ехать домой отдыхать. Сам Дубов вообще никогда отдыхать после командировки не ездил. Но что взять с этого трудоголика? Панкратьева брать с него пример категорически отказывалась, но из аэропорта в офис всегда заезжала, соблюдая неписаное правило, дабы остальные сотрудники не расслаблялись.

Припарковавшись на битком забитой автомобилями сотрудников парковке, она подхватила портфель, вдруг показавшийся ей невероятно тяжелым, и побрела в кабинет своего начальника.

Дубов сидел за столом и сосредоточенно писал что-то на обрывках настенного календаря. Компьютерную грамоту он так и не освоил и всячески демонстрировал сотрудникам, как надо экономить бумагу. В конце каждого месяца секретарша Оля обычно обрывала с календарей во всех офисных помещениях листы прошедшего месяца и сдавала их Дубову. Дубов самолично разрывал календари в формат бумаги для записей и потом увлеченно строчил на обратной стороне этих бумажек разные умные мысли о судьбах нефтепереработки в России, которые Оля в дальнейшем перепечатывала на компьютере. Умные мысли Дубова редко помещались на одной бумажке, и Оля при перепечатывании тихо материлась, пытаясь определить какая бумажка за какой следует. Опытная секретарша благоразумно особо не вникала в Дубовские мысли, чтобы не сойти с ума. Панкратьевой же процесс разделки календарей её начальником всегда напоминал годы советского детства, когда подобным образом рвалась газетка для использования ее в качестве туалетной бумаги.

Когда Панкратьева вошла в кабинет, Дубов не сразу оторвался от своего занятия. Это тоже было традиционно. Так он играл в большого начальника. В кино же обычно показывают, что начальник просто обязан быть вечно занят какой-то важной писаниной. Причём занят настолько, что срезу не может от этой писанины оторваться. Панкратьева уселась на свое обычное место за столом для переговоров по правую руку от Дубова и борясь со странной охватившей её сонливостью, чтобы не клевать носом, принялась внимательно разглядывать своего начальника.

Дубов совершенно не походил на только что виденного ею по-европейски импозантного директора завода Виктора Ивановича Воронина и олицетворял собой типичного руководителя, вышедшего не просто из абы какого народа, а из народа совкового. Фигура у Дубова была именно та самая сарделькообразная. Ведь начальники советского времени в первую очередь отличались от простых смертных своей упитанностью, что свидетельствовало об их достатке.

Из-за фигуры своей Дубов страдал отдышкой и повышенным давлением. К этой фигуре прилагалась круглая, вечно румяная рожа с хитрыми голубыми глазами и носом картошкой. Кроме того, начальник Панкратьевой особым воспитанием не блистал и отличался вполне себе солдатским юмором. Ведь советский начальник всегда мог снизойти к подчинённым с грубоватой шуткой и прибауткой, тем самым демонстрируя, что ему не чужды чаяния простого народа. Голову Дубова украшала шикарная шевелюра без единого седого волоса.

– Ну что, Дубов, может, посмотришь на меня немного, или я пойду? Чего-то я устала, – выдавила из себя Панкратьева. У неё странным образом не было сил даже на обычное раздражение при виде пишущего умности начальника.

– Ой, Ань, извини, у меня тут мысль очень важная. Обязательно записать надо было. Ну, как съездила?

Панкратьева извлекла из портфеля пачку документов и сунула их Дубову под нос.

– Ни фиги себе! – Дубов, разглядывая бумаги, аж довольно хрюкнул. – Как же тебе это удалось?

– А я коньяка с оппонентом нашим выпила, он все и подписал.

– Коньяка? А больше ты ничего с ним не делала? – Дубов посмотрел на Панкратьеву круглыми наглыми глазами.

– Шутки у тебя как у бодмана, – вяло заметила Панкратьева. – Премию гони мне. За успешно решенную непосильную задачу.

Дубов закряхтел.

– Чего-то ты, Аня, плоховато выглядишь. Вон синяки какие под глазами. Надо коньяка, наверное, меньше пить. Ладно, ладно, шучу я. – Дубов замахал руками, увидев зверскую рожу Панкратьевой. – О какой сумме идет речь?

– Три тысячи баксов давай, мне резину зимнюю покупать надо.

– Дорогая, однако, у тебя резина.

– Не жадничай, Дубов, скупой два раза платит.

– А я б тебе пять дал, но три, так три. Тем более, одно дело бумаги подписанные, другое дело деньги на счету.

– Я бы у тебя десять попросила, да у нас выплаты подрядчикам на носу и зарплата. А деньги уже на счету, их при мне отправили. И не ври про пять-то, что я тебя не знаю? Отдай бумаги, да пойду я, чего-то мне, и правда, не по себе.

– Погоди, погоди, действительно, что ли и деньги выслали? – Дубов набрал по селектору бухгалтерию.

– Але, хтой-то? – раздался из аппарата веселый голос бухгалтера Оксаны.

– Я тебе покажу сейчас «хтой-то!» – зарычал Дубов. – Распустила ты там их всех, Панкратьева.

– Ой! Александр Евгеньевич! Батюшки, а я вас и не признала! Извиняйте, отец родной, не велите казнить, – запричитала Оксанка.

– Кончай придуриваться и отвечай, что там у нас с деньгами?

– С деньгами у нас полный абажур! Навалили целую кучу валюты, теперь разбирайся, за что и откуда. Это ведь только Анна Сергеевна знает!

– Оксаночка! – подала голос Панкратьева. – Прямо сейчас беги ко мне в кабинет, я тебе все документы выдам.

– Анна Сергеевна, вы приехали уже, вот радость-то какая! А то без вас меня тут Александр Евгеньевич склонял перечисления разные делать на излишества нехорошие! Я ничего не стала перечислять. Вот.

После этих слов у Панкратьевой сложилось впечатление, что на том конце провода Оксанка показывает Дубову язык. Видимо Дубову тоже так показалось, потому что он вдруг нахмурился.

– Умничка, – похвалила Оксану Панкратьева. – С Александром Евгеньевичем я сейчас разберусь. – Панкратьева строго поглядела на Дубова. – Ну-ка, гад, признавайся, чего опять без меня купить хотел? Опять компьютеры?

Нахмуренный Дубов потупился, вздохнул и кивнул.

– Дубов, сколько можно? Ну ты же взрослый человек, а как папуас балдеешь перед всей этой техникой, которая послезавтра уже будет выпущена в новой версии, и купленное тобой за бешеные деньги будет стоить копейки. Ты что меня в невыполнимую миссию отправил, чтобы тишком опять техники закупить? Зря я у тебя десять не запросила. – Панкратьева собрала со стола Дубова все бумаги, сунула их в портфель и вышла в приемную.

«Вот ведь паршивец, – думала она, – недаром волос полная голова».

В каком-то очередном дамском журнале Панкратьева как-то прочитала, что мужчины, не лысеющие к пятидесяти годам, содержат в организме большое количество женских гормонов и с уходом из организма гормонов мужских ведут себя иногда просто как женщины. Её собственный опыт общения с Дубовым и другими начальниками подсказывал, что журнальная советчица в этот раз не ошиблась, и Панкратьева с ней сразу согласилась, однако о лысом начальнике совершенно не мечтала. Еще неизвестно, как бы повел себя этот лысый босс на месте Дубова. Может, уволил бы ее к чертовой матери. Хотя, может быть, и наоборот со свойственной ему мужской широтой и щедростью осыпал бы Панкратьеву премиями и ценными подарками. Она даже представила в кабинете Дубова абсолютно лысого «мачо» типа Брюса Уиллиса. В этой картине начальник курил сигару, положи ноги на стол. Да, такой дяденьке Майкрософту нажиться бы не дал и, пожалуй, выдал бы Панкратьевой за провернутую операцию те самые вожделенные десять тысяч.

В приемной Панкратьеву уже ждала радостная Оксана. Она схватила протянутый Панкратьевой портфель с документами и озабоченно сказала:

– Анна Сергеевна! Что с вами случилось? Вы какая-то бледная и синяки под глазами. Это он что ли вас так расстроил? – Она пренебрежительно кивнула в сторону кабинета Дубова.

– Да нет, Оксан, мне как-то странно нездоровится, спать очень хочу. Я домой поеду, а ты портфель разбери. Завтра все обсудим.

До дома Панкратьева доехала практически на автопилоте, то есть совершенно не помня как. Единственное, что зацепилось в ее памяти, так это большой черный внедорожник в зеркале заднего вида, опять висящий у нее на хвосте. Панкратьева даже не стала оборачиваться, чтобы проверить так ли это, не было сил.

Около дома она с трудом припарковала машину, замок квартиры тоже открылся не с первого раза. Слава Богу, дома никого не оказалось, и Панкратьева, не разбирая чемодана, стащила с себя одежду и, не смыв с лица косметику, завалилась спать. Такого с ней никогда еще не бывало. Косметику Анна Сергеевна Панкратьева смывала с себя в любом состоянии.

Заснула Панкратьева настоящим «мертвецким сном» и совершенно не слышала, как из школы пришел Федор, как он стучал дверцей холодильника на кухне, как приехал с работы Зотов, как потом они уже вместе с Федором стучали дверцей холодильника и готовили чего-то вегетарианское, остро пахнущее чесноком. Она не проснулась даже тогда, когда они этим вегетарианским водили у нее перед носом.

Проснулась Панкратьева уже утром за минуту до звонка будильника и с удивлением обнаружила, что спит у себя дома, а рядом с ней, уткнувшись носом в подушку, сопит Зотов.

Неизвестно почему, но Панкратьевой очень нравилось смотреть на спящего Зотова. Наверное, потому что во сне он не мог отчебучить ничего такого, за что бы ей стало стыдно. Она чмокнула Зотова в нос и потащила в ванную.

Из зеркала на нее глянуло настоящее чучело. Синяки под глазами, размазанная тушь, волосы в разные стороны. Женщина в зеркале выглядела на сорок пять лет, никак не меньше.

Панкратьева села на край ванны и усталилась на текущую в раковину воду. Так в полной прострации она просидела минут десять.

«Господи, что же это со мной?» – внезапно очнувшись, удивилась она и поспешно стала приводить себя в порядок, решив, что надо будет обязательно позвонить волшебнику Арсению и рассказать о том, что с ней приключилось.

Однако об этом своём решении она благополучно позабыла, как только переступила порог родного офиса. Рабочий день подхватил и закружил заместителя генерального директора Панкратьеву Анну Сергеевну в своем обычном ритме аврала, дурдома и военной разведки. Аврал в компании происходил всегда. Вечно они срывали какие-то сроки, постоянно их подводили какие-нибудь подрядчики, кто-то из сотрудников забывал что-нибудь важное и так далее и тому подобное. Поэтому перед сдачей очередного объекта все наваливались гуртом, выходили сверхурочно и совершали свои героические подвиги.

Как Панкратьева ни старалась привести работу компании в нормальное размеренное русло со штатными проблемами и программируемыми решениями, все ее усилия применить знания, полученные в бизнес-школе, были напрасны. Дубов никак не мог жить без аврала. Если аврала не было, он его инициировал. Не потому, что был плохим руководителем, вовсе нет. Дубов был настоящим трудоголиком, который варился в проблемах, царил над ними и с большим удовольствием создавал их для себя и окружающих. И в итоге самым явным результатом его бурной деятельности была атмосфера маленького дурдома, царившая в коллективе.

Дело в том, что Дубов очень опасался, что его указания могут быть не выполнены, поэтому давал их не просто какому-то конкретному ответственному руководителю, а и самому руководителю, и всем его подчиненным по цепочке, параллельно дублируя все это и у смежников, периодически подключая к этому делу еще и секретаря Олю, и саму Панкратьеву. Каждый интерпретировал указания, полученные от большого шефа, в силу своей компетенции и разумения и в силу всё той же своей компетенции и разумения бежал с вытаращенными глазами, причем исключительно в свою сторону. Работа в отделах кипела, напоминая броуновское движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.